

Наверно, это можно было бы назвать театром одного актера... Точно в аудитории враз сошлись находчивый Фигаро, насмешница Сюзанна, молодая, самоуверенная Марселина, степенный, недалекий доктор Бартоло. Всех их, мгновенно преображаясь, играет актер Юрий Мефодьевич Соломин. Впрочем, в эти минуты он педагог, филигранно отрабатывающий со студентами сцену бессмертной комедии Бомарше. Его перевоплощения остры, смелы, и в этом умении подобраться к самому существу характера героев ощущим высокий актерский профессионализм. Короткий, искрометный спектакль.

— Знаешь, у нас дома уже несколько лет живет кенар, — вдруг говорит исполнитель роли Бартоло Соломин. — Заметили, что он затосковал, и поехали с дочкой на птичий рынок за канарейкой. Привезли ее, не успели открыть коробку, как кенар в клетке услышал канарейкин голосок, и что с ним случилось: вздернул голову, распушил перья, засуетился... — Соломин застывает посреди аудитории, впрямь становясь похожим на забавно пынущуюся птицу. — Вот так и твой глуповатый Бартоло должен сейчас засуетиться, стараясь понравиться обеим женщинам.

Снова репетиция. Теперь студент ведет роль по-иному — ироничнее. А Соломин по-прежнему оживлен и стремителен. Очевидно, среди своих учеников он ощущает себя немного тем Юрой Соломиным, каким был двадцать лет назад, оканчивая театральное училище имени Щепкина. В коридоре на стенде и сегодня висит его фотография. Курс Веры Николаевны Пашенной. Участник драматического кружка Читинского Дворца пионеров стал в 1953 году учиться у замечательной артистки Малого театра.

Бывают актеры, чье имя едва ли не сразу становится популярным, и стремительная «прямая» ведет их к новым ролям и удачам. Соломинскому взлету предшествовал достаточно длительный период творческого накопления, когда познавались собственные возможности, определялись художнические пристрастия, игрались неглавные роли. Известность пришла к нему в 70-м году — через тринадцать лет после окончания училища.

Вспомните те пять вечеров у телевизора, когда все с огромным интересом следили за судьбой «адъютанта его превосходительства» — разведчика Павла Кольцова. Он сыгран Юрием Соломиным как бы вопреки канонам, которые сложились вокруг ролей такого плана, сыгран с пронырливостью, покорившим всех лиризмом. Однако неким подходом к этому образу были и капитан Мецкерский, с его интеллигентностью, поэтическим восприятием жизни, пронесенным сквозь бои, кровь, смерть (фильм «Весна на Одере»), и Дмитрий Ульянов в кинологии М. Донского «Сердце матери» и «Верность матери», где на младшего из братьев

будто легли отсветы внутренней гармонии и правды семьи Ульяновых.

Роль в «Адъютанте его превосходительства» позволила артисту всерьез заговорить о дорогих для него нравственных ценностях. Судьба Кольцова, своеобразная и неповторимая, вместе с тем сфокусировала в себе характерные черты героического, накаленного-страстного времени. По сей день приходят к Соломину

жюк»). Одна из интереснейших работ на телевидении — доктор Благово в экранизации повести Чехова «Моя жизнь». А в театре его настоящей удачей становится Хлестаков в «Ревизоре».

Уже сам этот перечень говорит о стремлении расширить свой творческий диапазон, уйти от повторения того, что было открыто и найдено. Роли неравноценны, но почти в каждой из них ощутим

волюционной эпохи, ни податься над своей болью.

Юрий Соломин в этом спектакле играет, будто расширяя «территорию» роли, и настойчиво добивается к истокам характера. Его Яровой презирает недалеких партнеров по белому стану. Среди них он почти единственный, кто пытается реально бороться, постоянно весь в движении. Но поручик ощущает свою обреченность. Отсюда

светлую, достойную судьбу родной страны, этот спокойный, доброжелательный, такой «мирный» по своему существу человек.

Телегин у Соломина не только «надежен и прочен», как о том справедливо писали после выхода картины. Есть в нем и другие существенные черты, выделенные актером, — его склонность к вдумчивому анализу происходящего с ним и вокруг него. Он далек от страстных излияний и бурных самовыявлений, что, возможно, и показало кое-кому статичностью в соломинском исполнении. Но разве сдержанность, глубоко скрытая эмоциональность не органичны для телегинского характера? Иван Ильич не обделен ни болью, ни горечью, ни разочарованием. Но то, что у другого выльется в раскаленном монологе или драматическом обращении к другим, приобретает у соломинского героя иную окраску. Он знает, что жизнь сложна, принимает ее сложность, стараясь постичь доброе и скорбное в ней, никогда не теряя мудрого достоинства ни в горе, ни в счастье.

Его приход в революцию, где Телегин социально и нравственно мужает, закономерен. Соломин мягко, бережно доносит это возмужание, то, как «тихо и твердо» ведет он свой полк к победе, ощущая и защищая «всю мощь новой жизни». Опаленный войной, Иван Ильич становится строже, увереннее, может быть, и чуть жестче, особенно в последних сериях. Этим актер ненавязчиво подчеркивает трудность пройденного его героем пути, долгих верст войны, навсегда запавших в сердце.

Артист говорит, что для него важно было соотнести себя, свой опыт человека 70-х годов с эпохой Телегина, ее тревогами, болью, высокими исканиями. Таким стремлением отмечены лучшие его работы в театре и кино при обращении к русской, советской или зарубежной классике. Этим стремлением он хочет заразить и своих учеников-щепкинцев.

...Юрий Соломин ведет занятия. Он побуждает думать, проявляет настойчивость, иногда сердится. Подолгу следит за студентами, предоставляя им полную свободу на площадке. Затем снова появляется среди них. Он ведет занятия с увлеченностью первокурсника, открывающего для себя реальное волшебство сценического искусства, и со зрелостью мастера, который щедро делится обретенным с молодыми. Ему, одному из интереснейших советских актеров, есть чем поделиться.

Э. ЛЫДИНА.

★

На снимке: народный артист РСФСР Ю. СОЛОМИН.

ЗРЕЛОСТЬ АКТЕРА

письма, в которых люди разных возрастов и профессий спрашивают, будет ли продолжение полюбившегося им фильма. Только ли сюжетная занимательность причина такого успеха? Она глубже. Павел Кольцов Соломина, ведущий свой рискованный поединок в стане белых, меньше всего напоминает разведчика-супермена, лихо расправляющегося с врагами. Он действительно побеждает противников, но с тем спокойствием, с той взвешенностью каждого шага, с какими, например, рабочий человек вершит свой нелегкий труд. Прочность, нравственная устойчивость, идеальная убежденность сочетаются в нем с искренней простотой и чуткостью. Это мягкое благородство героя картины, контрастирующее со спецификой его профессии, способное оставаться самим собой в запутанных, опаснейших обстоятельствах, стремление ни на минуту не унизить себя ложью — в особенности покорило зрителей. Актер создал романтически приподнятый, цельный характер, отразивший светлую устремленность революционной эпохи.

— Моральный заряд таких людей, как Павел Кольцов, и сегодня важен для нас, для нынешнего поколения, живущего в иных условиях, нежели молодые времена гражданской войны, — говорит Соломин. — Все ли я делаю для людей, что могу, не закралось ли в мое сердце равнодушие, не выбрал ли я для себя окольную дорогу? — вот какие мысли должен пробуждать этот образ. Именно такой отзыв дорог мне и всем, кто работал над фильмом, в письмах зрителей.

Грандиозный успех в роли Кольцова принес артисту массу предложений сниматься в кино. В начале 70-х годов он сыграл майора Головки («Инспектор уголовного розыска»), Леопольда Штубе («И был вечер, и было утро»), корнета Шмакова («Кочующий фронт»), кузена Семена Нагорного («Даурия»), тренера («Право на пры-

жок»). Одна из интереснейших работ на телевидении — доктор Благово в экранизации повести Чехова «Моя жизнь». А в театре его настоящей удачей становится Хлестаков в «Ревизоре».

Уже сам этот перечень говорит о стремлении расширить свой творческий диапазон, уйти от повторения того, что было открыто и найдено. Роли неравноценны, но почти в каждой из них ощутим крепнущий соломинский почерк, его умение доносить далеко укрытую сложность героев, способность как бы думать вслух без слов. Почерк артиста...

— Мы нередко узнаем поэта по одной только его строчке, угадываем руку живописца в эскизе, — говорит Соломин. — Мне кажется, право «быть узнаваемым» дано и нам, актерам. Не этого надо бояться, а однообразия, клишированных образов, переходящих из фильма в фильм, из спектакля в спектакль. Что греха таить, случается ведь и так в нашем деле. Говоря об узнаваемости, я имею в виду не только определенность художественных и нравственных критериев артиста, но и его собственное мироощущение, личный жизненный опыт, которые обязательно дадут себя знать в трансовке образа.

Мне всегда важно постигнуть логику поведения, поступков героя. Только тогда он станет для меня живым, понятным и я смогу выходить с ним к зрителю. В таких поисках и проявляется личностное начало. Вот, скажем, Хлестаков, много игравший антагонистами разных театров. О нем принято говорить: малый без царя в голове. Я эту формулу для себя не принял. Напротив, юный петербургский пройдоха, на мой взгляд, очень нацеленно строит взаимоотношения с провинциальным чиновничеством, ловко изымает деньги и вовремя исчезает. Так что голова у него отлично работает! Отсюда и шел к роли. Играл Штубе в экранизации «Разлома» Б. Лавренца (фильм назывался «И был вечер, и было утро»), я начал с определения, что движет этим героем. Ненависть. Персонально она более всего обращена к большевину-матросу Годуну — разрушителю привычного, удобного для Штубе мира. И он действует, хочет уничтожить Годуна, ни на минуту не задумываясь над тем, что тот отстаивает свою правоту. Ненависть белого офицера натиснула яростной волной.

первая взвинченность и суженность его интонаций.

В работе над ролью Яровой, за исполнение которой артист отмечен золотой медалью имени А. Д. Попова, сказался и кинематографический опыт Соломина. В моменты, когда действие выносятся на авансцену, актер держит долгие выразительные паузы, словно при съемках на крупных планах.

Ему посчастливилось на встречи с хорошими режиссерами. В театре — с К. Зубовым, Б. Вабочным, Л. Волковым, в кино — с М. Донским, М. Калатозовым, Е. Ташковым, чехом О. Ваврой (фильм «Соколов»), наконец с А. Курасовой. Кстати, знаменитый японский режиссер утвердил Соломина на роль Арсеньева в «Дерсу Узала», посмотрев «Адъютанта его превосходительства».

— Арсеньев — еще один из военных героев, которые составляли едва ли не треть в моей кинопленке. Скоро на экраны выйдут два фильма, заключающие кинополюс «Блокада», где зритель вновь встретится с моим Звлинцевым, мужественным и скромным воином. Главное в нем, как и в других офицерах, которых мне довелось играть, определить, каким словом «защипать». Они самоотверженно защищают людей, их мир, покой, радость. Что может быть выше!

Эту характеристику, данную Соломиным, можно отнести и к его Ивану Ильичу Телегину в многосерийной экранизации романа А. Толстого «Хождение по мукам». Он становится воителем за